

ЭЛЕГИЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО «ПЕРВЫЙ СНЕГ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

«Первый снег», безусловно, относится к числу лучших элегий П. А. Вяземского. Широко известна высокая оценка ее в письмах А. С. Пушкина. В апреле 1820 года он просил Вяземского: «Покамест присылай нам своих стихов; они пленительны и оживительны — «Первый снег» — прелесть; «Уныние» — прелестнее»¹. Через три года, обращаясь к Вяземскому с той же просьбой, поэт опять вспомнил о «Первом снеге»: «Первый снег» я читал еще в 20 году и знаю наизусть. Не написал ли ты чего нового?»² Пушкин запоминал наизусть только очень хорошие стихи, память поэта была своеобразным критерием эстетической оценки произведения. Но «Первый снег» Пушкин оценил не только по первому впечатлению, элегия выдержала испытание временем: уже в зрелом творчестве, в конце 1820-х — начале 1830-х годов, поэт вновь и вновь обращался к ней. Как и многие другие любимые произведения, элегия органически «вошла» в творчество Пушкина: в роман «Евгений Онегин» и в лирические стихотворения.

Впервые о «влиянии» Вяземского на Пушкина писал И. Н. Розанов еще в 1915 году. В частности, он указал на то, что отголоски элегии «Первый снег» наблюдаются не только в романе «Евгений Онегин», в главе первой (эпиграф «И жить торопится и чувствовать спешит») и пятой (прямая ссылка на Вяземского). «Состязание» с Вяземским Розанов увидел еще в таких стихах, как «Обвал», «Осень», «Зимнее утро», «Зима». По мнению исследователя, «состязание» представляет «наглядный пример успехов поэзии в ее движении к простоте, искренности и реализму!» В «Осени», по словам Розанова, Пушкин дает Вяземскому «генеральное сражение» и, наконец, «освобождает себя от обаяния «зимних нег» Вяземского: превзошел и успокоился: после 1830 года следов влияния «Первого снега» нам уж у Пушкина не встретилось»³. «Здесь

¹ А. С. Пушкин. ПСС в 10 т., М.—Л., АН СССР, 1951, т. X, стр. 16.

² Там же, стр. 57.

³ И. Н. Розанов. Кн. Вяземский и Пушкин (К вопросу о литературных влияниях). Беседы. Сборник Общества Истории Литературы в Москве. т. 1, М., 1915, стр. 70. Розанов относит стихотворение «Осень» к 1830 г.

мы имеем яркий пример соревнования. Заимствованы многие детали, но все заимствованное исправлено и улучшено»⁴, так окончательный вывод, и, может быть, не стоило бы на нем останавливаться так подробно, если бы, в свою очередь, «следы влияния» Розанова, вольного или невольного, не ощущались во многих работах современных исследователей, особенно посвященных роману «Евгений Онегин». Образы Вяземского в стихах Пушкина обычно не привлекали внимания, но в романе «Евгений Онегин», где есть прямая ссылка на «Первый снег», проблема творческих связей Пушкина и Вяземского уже не могла остаться незамеченной. Большинство исследователей видит в пятой главе романа (строфа третья) чуть ли не пародию на «Первый снег», во всяком случае ирония по поводу «пламенных стихов» Вяземского ни у кого не вызывает сомнения.

Но так ли это? И почему вообще могло случиться, что элегия, написанная в 1819 году, продолжала «жить» в сознании и творчестве Пушкина позднего периода? Мне кажется, было бы нелогичным видеть в поздних стихах Пушкина запоздалую полемику с Вяземским, причем на материале раннего произведения, которым когда-то восторгался поэт. На самом деле все обстояло значительно сложнее, и, чтобы раскрыть своеобразную «жизнь» элегии в творчестве Пушкина, понять эстетическую функцию этого явления, необходимо, прежде всего, обратиться непосредственно к тексту «Первого снега» и попытаться уловить, что именно привлекало в нем Пушкина, вызывая его восторженную оценку, что сближало двух поэтов.

Элегия «Первый снег» писалась долго и трудно. Видимо, тема «Первого снега» волновала Вяземского, властно «притягивала», «не отпускала» в течение нескольких лет, но поэт не сразу смог найти удовлетворявшее его поэтическое воплощение внутренней жизни. Да, впрочем, это было и нелегко на том этапе развития русской поэзии и самого Вяземского, когда элегия была задумана (1816 год). В письме его к А. И. Тургеневу от 5 октября 1816 года есть шутливая, но весьма знаменательная приписка Батюшкова: «Вяземский пишет элегию «Первый снег», которая не доживет до первого пути. Он очень плох. Голова его слабеет и вянет беспрестанно...»⁵. Очевидно, эмоциональный тон традиционной элегии, на который очень точно и не без иронии намекнул Батюшков («голова его слабеет и вянет беспрестанно»), не соответствовал душевному «настрою» творца «Первого снега»; работа не шла, и скоро, 16 октября 1816 года, Вяземский вновь пишет об этом

⁴ Там же.

⁵ Остафьевский архив князей Вяземских. 1. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819, СПб, 1899, стр. 55.

Тургеневу: «Вчера отдал я Батюшкову все права на «Первый снег», а сам сижу при оттепели»⁶. Важно, что именно Батюшкову, с его тягой к земному миру, к земным радостям и земной любви, отдал Вяземский «права» на «Первый снег», но «освободиться» ему так и не удалось. Дело, очевидно, не только в том, что Батюшков не воспользовался предоставленными ему «правами» на «Первый снег»: это была тема именно Вяземского, «природного русского поэта», каким он ощущал себя всегда, а в «Первом снеге» особенно.

22 ноября 1819 года, посылая А. И. Тургеневу уже законченную элегию, Вяземский писал: «Тут есть русская краска, чего ни в каких почти стихах наших нет. Русского поэта по физиономии не узнаешь. Вы все не довольно в этом убеждены, а я помню, раз и смеялись надо мною, когда называл себя отличительно русским поэтом, или стихомарателем; тут дело идет не о достоинстве, а о отпечатке, не о сладкоречивости, а о выговоре; не о стройности движений, а о народности некоторых замашек коренных»⁷. Вяземский был искренне удивлен, когда Тургенев, восторженно принявший элегию, сравнил его с Делилем: «Отчего ты думаешь, что я по первому снегу ехал за Делилем? Где у него подобная картина? Я себя называю природным русским поэтом потому, что копаюсь все на своей земле. Более или менее ругаю, хвалю, описываю русское: русскую зиму, чухонский Петербург, петербургское Рождество и пр., и пр.; вот что я пою... Вот, моя милуша, отчего я пойду в потомство с российским гербом на лбу, как вы, мои современники, ни французьте меня. Орловский — фламандской школы, но кто русее его в содержаниях картин?»⁸.

В чем же смысл этой неожиданной полемики? И как проявилось в элегии русское начало, которое так горячо отстаивал Вяземский?

В работах о Вяземском исследователи обычно подчеркивают в элегии великолепное описание русской зимы. В «Первом снеге», пишет Л. Я. Гинзбург, «в условный, отрешенный от повседневной действительности элегический мир внесено национальное начало. Лирическая тема вплетается в подробности описания русской природы:

- Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом»⁹.

⁶ Там же, стр. 57—58.

⁷ Там же, стр. 357.

⁸ Письмо от 19 декабря 1819 г., там же, стр. 376—377.

⁹ Л. Я. Гинзбург. П. А. Вяземский. Вступительная статья в кн.: П. А. Вяземский. Стихотворения. Малая серия, изд. 3, М. — Л., «Советский писатель», 1962, стр. 25.

Эти же стихи, «живописующие зимний пейзаж», приводит в своей статье Б. С. Мейлах¹⁰ и другие исследователи. Однако главное не только и не столько в этой действительно замечательной картине зимней природы. Ведь само по себе описание зимы или катанья на коньках еще ничего специфически русского в себе не несет, тем более, что и снег на елях, и коньки — не только в России. Очевидно, секрет обаяния «живительных» стихов Вяземского в другом: картины зимней природы и зимних «забав» оживают и становятся действительно русскими только в контексте всего стихотворения, в котором Вяземскому, как никакому другому поэту до него, удалось передать радость встречи зимы, восприятие зимы как праздника, свойственное, с точки зрения поэта, только душе русского человека. Вяземский действительно в чем-то постиг коренное свойство русского характера, для которого «мороза гнев», «рев непогоды», «вьюги свист» чреваты не смертью, не сном, а жизнью, пробуждением, вызывают душевную бодрость, силу, горячат кровь, как «лучшая весна, как лучшей жизни младость». Неслучайно в начале элегии «нежному баловню полуденной природы» поэт противопоставил «сына пасмурных небес»:

Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.

Именно на этом внутренне конфликтном единстве зимнего «хлада» и пробуждающихся жизненных сил (отсюда нарастающее ощущение радости бытия) строится все стихотворение. Только в таком эмоциональном ключе элегии и картины зимней природы приобретают специфически русский «отпечаток»:

Лазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля...

Природа не умирает, но как бы неожиданно, по манию «чудесного жезла», воскресает для новой жизни, искрится и сверкает в зимнем убранстве:

На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живою улыбкой¹¹.

Она сродни русскому человеку, поэтому так естественно движение поэтической мысли от праздника природы к празднику человека:

Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдыстыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы о ж и л и...

¹⁰ Б. С. Мейлах. П. А. Вяземский. История русской поэзии, т. 1. Л., «Наука», 1968, стр. 328.

¹¹ Здесь и далее в цитатах разрядка моя.

Именно ожили, как будто вместе с первым снегом пробудились, вырвались какие-то до сих пор дремавшие силы. Они «игр̑ают» и в нетерпении «смельчаков», которые «пренебрегая страх», «по льду свистящему кружатся и скользят», и в напряженной готовности ловчих: «их взор нетерпеливый допрашивает след добычи торопливой», и в обращении к подруге:

Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуня на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.

Интересно, что при всей отвлеченно-абстрактной характеристике «милого друга», о котором сказано:

Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе, —

и этот образ, несущий в себе основной конфликт (мороз — и расцвет красоты, молодости, силы), в контексте стихотворения воспринимается как специфически русский. Впоследствии о том же, как всегда емко и просто, скажет Пушкин:

Как дева русская свежа в пыли снегов.

С развитием поэтической мысли внутренняя динамика элегии нарастает. В едином стремительном движении (и внешнем — физическом, и внутреннем — духовном) сливаются человек и природа. В экспрессивных тропах Вяземского — сравнениях, метафорах, эпитетах — подъем душевных сил, восторг, упоение, первое «любви смятенье», и «дума первая», и «первый вздох» не просто неотделимы от искрящегося первого снега, зимней прогулки, вьюги, тесноты и бега саней, но вызваны ими и выражены друг в друге. Создается ощущение необычного душевного подъема, особой остроты и яркости в восприятии жизни, когда все впервые, когда единый миг, кажется, вмещает вечность:

Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится и чувствовать спешит.

Таким образом, «русский дух» в элегии Вяземского не только и не столько в конкретных приметах русской природы и русского быта (эти приметы, безусловно, есть, но не они определяют суть), сколько в праздничности картины зимы, в оживленном, радостно-возбужденном, под влиянием мороза и первого снега, состоянии русского человека. В этом плане поэт противопоставлял себя Хераскову: «Я перечитывал царство зимы «Россиады», — писал он. — Херасков... холоднее

зимы и умел ее заморозить»¹². Вяземскому удалось «разморозить» русскую зиму, показав ее «живительную улыбку». «...У тебя весь стих горит, — писал А. И. Тургенев, — и огнем Аполлона, который владел тобою»¹³.

Наши современники, сравнивая Вяземского с Пушкиным (да еще с поздним!), часто ставят ему в упрек «подчеркнутую красоту образов (например, конь — «красивый выходец кипящих табунов»)»¹⁴. Сам же Пушкин оценил стихи Вяземского по-другому: для него они «пленительны и оживительны»¹⁵.

В элегии действительно немало подлинных поэтических открытий в изображении зимы и душевного состояния человека («жал руку, нежную в самом сопротивлении», снег «сребристой пылью окидывает их», «стеснилось время им в один крылатый миг», «по жизни так скользит горячность молодая, и жить торопится и чувствовать спешит!» и т. д.). Но главное в том, что «роскошный слог» (определение Пушкина) в элегии эстетически оправдан. «Пламенные стихи» (также определение Пушкина), внутренняя динамика поэтических образов, особая экспрессивность лексики, тропов, даже таких, как «красивый выходец кипящих табунов», как это ни странно, и несут в себе тот русский «отпечаток», русский «выговор», выражение наших «замашек коренных», которые отстаивал Вяземский в «Первом снеге», называя себя «природным русским поэтом».

Именно такое «чувство» зимы было близко и Пушкину, ведь не случайно же он запомнил элегию наизусть. Независимо от Вяземского (а может быть, и через него) в радостном восприятии зимы, морозной и снежной (которая, однако, горячит кровь), поэт открывал и в себе и в других одно из удивительных, коренных свойств отличительно русского характера. И в поздней осени Пушкин любил не только «пышное природы увяданье», но «и первые морозы, и отдаленные седой зимы угрозы». В «Евгении Онегине» свойства «русской души» Татьяны также выявляются через отношение к зиме, через зимний пейзаж и зимние забавы:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодною краскою
Любила русскую зиму...

Тот же мотив (правда, в ином эмоциональном ключе) звучит и в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне...»:

¹² Письмо к А. И. Тургеневу от 22 ноября 1819 г. См. указанный выше Остафьевский архив князей Вяземских, стр. 357.

¹³ Письмо к Вяземскому от 10 декабря 1819 г. Там же, стр. 369.

¹⁴ Б. С. Мейлах. Указанная выше статья, стр. 329.

¹⁵ См. сноску 1.

И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поделуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Этой общностью в понимании национальной психологии, созвучностью эмоционального настроения и объясняется то, что элегия Вяземского «Первый снег» осталась не только в памяти Пушкина, но обрела вторую неповторимую и вечную жизнь в пушкинских строках.

Но при этом важно отметить, что в творчестве Пушкина «живет» не вся элегия, а лишь часть ее, посвященная зиме и первому снегу. У Вяземского есть еще стихи об осени (в начале), о быстротечности жизни, молодости, любви (в финале); однако обе эти темы разработаны поэтом в традиционно-элегическом духе, чуждом Пушкину, у которого своя неповторимая осень и свое, пушкинское, отношение к ней, так же как и к беспрерывному обновлению жизни.

С другой стороны, «Первый снег» «живет» далеко не во всех стихах Пушкина о зиме. В таких, как «Зимний вечер», «Зимняя дорога», написанных в ином эмоциональном ключе и о другом, отголосков Вяземского нет.

Все это еще раз убеждает в том, что своеобразная «жизнь» элегии Вяземского в творчестве Пушкина свидетельствует скорее не о полемике или споре, но о духовной близости поэтов.

Для понимания этого удивительного сотворчества необходимо в каждом конкретном случае выявить ту особую эстетическую функцию, которую выполняют отголоски, «цитаты» и прямые ссылки на Вяземского в структуре пушкинских произведений.

Впервые элегия Вяземского «зазвучала» у Пушкина в романе «Евгений Онегин», первая глава которого открывается эпиграфом из «Первого снега»: «И жить торопится и чувствовать спешит». Этот факт, казалось бы, безусловно и прямо свидетельствует о творческой взаимосвязи и близости двух поэтов (разумеется, в данном, частном случае). Видимо, эмоциональная атмосфера «Первого снега», о которой напоминает и которую приносит в роман стих Вяземского, чем-то помогает Пушкину выявить и углубить характер Онегина, «почувствовать» его внутреннюю жизнь. «Афористическая строка «И жить торопится и чувствовать спешит», — пишет М. И. Гиллельсон, — точно характеризует душевное состояние Онегина в начале романа; в лирическом герое «Первого снега» Пушкин увидел прообраз своего будущего героя. Поэтическая находка Вяземского оказалась как нельзя кстати творцу «Евгения Онегина»: «Первый снег» Вяземского спо-

собствовал кристаллизации замысла романа в стихах»¹⁶. Но интересно, что в первом издании главы (февраль 1825 года) этого эпиграфа не было, он введен только во второе издание (март 1829 года). Очевидно, был необходим какой-то новый важный сдвиг и в восприятии «Первого снега», и в развитии «свободного» романа, чтобы стих Вяземского органично вошел в его поэтическую систему.

Цитату из «Первого снега» находим в IX строфе (главы первой), которая, однако, не вошла в печатный текст произведения:

Нас пыл сердечный рано мучит.
Очаровательный обман,
Любви нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан.
Мы алчем жизнь узнать заране,
Мы узнаем ее в романе,
Мы все узнали, между тем
Не насладились мы ничем.
Природы глас предупреждая,
Мы только счастья вредим,
И поздно, поздно вслед за ним
Летит горячность молодая.
Онегин это испытал,
Зато как женщин он узнал.

Оставляя в стороне решение вопроса, почему Пушкин вместо, казалось бы, готовой строфы поставил три ряда точек, посмотрим, как «живет» в ней цитата Вяземского «горячность молодая». Главная мысль строфы — «Любви нас не природа учит, а Сталь или Шатобриан». Голос природы и, если можно так выразиться, «теоретическое» знание жизни сердца (по романам) — расходятся. Отсюда — невозможность полноты счастья:

Природы глас предупреждая,
Мы только счастья вредим,
И поздно, поздно вслед за ним
Летит горячность молодая.

В контексте Вяземского «горячность молодая» имеет другое эмоциональное наполнение, даже «обратный» смысл. Поэту как раз важно передать «в сердце девственном впервой любви смятенье, и думу первую, и первый вздох», т. е. полноту жизни в «счастливые лета» молодости: «По жизни так скользит горячность молодая, и жить торопится и чувствовать спешит». «Обман бесчеловечный», измены любви, «безжалостные уроки» опыта — все это придет потом, с годами, придет, но не отменит пережитого, ведь «в памяти души живут души утраты».

Значит, образ «горячность молодая» в стихах Пушкина,

¹⁶ М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., «Наука», 1969, стр. 282.

теряя связь с контекстом элегии, во многом утрачивает присущий ему эмоциональный заряд и даже вступает в противоречие с содержанием строфы в целом. Так или иначе, но IX строфа не вошла в печатный текст. В других же строфах романа, как и в стихах Пушкина, «цитаты» Вяземского «живут» другой жизнью, не утрачивая связь с эмоциональным контекстом элегии.

Пушкин трижды изображает в «Евгении Онегине» зиму — в четвертой, пятой и седьмой главах. И что особенно интересно, всякий раз возникает образ первого снега. Видимо, как и Вяземскому, поэту важна и близка та эмоциональная атмосфера, которую несет образ первого снега, повторяющееся, но всегда неожиданное преобразование природы, жизни, человека. Но в романе наблюдается эволюция этой темы.

Первое описание зимы (в четвертой главе) дается в связи с жизнью Онегина (XLII строфа):

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы р о з ы; ¹⁷
На, вот возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета
Блится речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед,
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег.

Здесь нет ни одной прямой цитаты из Вяземского, но эмоциональное восприятие зимы и первого снега близко Вяземскому, а описание зимы в чем-то традиционно. Традиционность даже нарочито подчеркнута поэтом («читатель ждет уж рифмы розы») и вызывает его иронию, внутреннее отталкивание. Интонации этой строфы, с одной стороны, важны для восприятия Онегина, с другой — служат предвестником того, что, нося в своей душе праздник русской зимы, Пушкин не останется во власти традиционной разработки темы первого снега.

Об этом свидетельствует следующая, пятая глава романа, открывающаяся описанием зимы. Но зима увидена в ней уже глазами Татьяны и через нее воспринята (а может быть, и по-новому открыта) самим поэтом.

Татьяна, «проснувшись рано», увидела совершенно преображенный наступившей зимой мир (1 строфа):

На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,

¹⁷ Курсив Пушкина.

Сорок веселых на дворе
И мягко усталые горы
Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

В этот мир естественно и органично входит мир следующей, второй строфы: «Зима!.. Крестьянин торжествуя на дровнях обновляет путь», «кибитка удалая», ямщик, дворовый мальчик... А дальше, в третьей строфе, впервые непосредственно и прямо Пушкин обращается к «Первому снегу» Вяземского:

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут:
Все это низкая природа;
Изящного немного тут.
Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег...

Обычно исследователи видят в этой строфе только полемику с Вяземским, «полемику с поэтом того стиля, который был осужден Пушкиным в образе Онегина и его среды», от каз «от манеры Вяземского, а заодно и Баратынского»¹⁸. Примерно о том же пишет Г. П. Макогоненко: «Внешне Пушкин как бы одобряет стихи Вяземского. Не споря с Вяземским, Пушкин пишет, что тот «роскошным слогом» живописал снег и «все оттенки зимних нег», что в «пламенных стихах» воспел «прогулки тайные в санях». Но «роскошный слог» и «пламенные стихи» на языке Пушкина-реалиста — понятия отрицательные. Это все поэзия, далекая от «нагой простоты», не видящая красоты живой жизни. «Роскошный слог» не способен передать неповторимость русского первого снега»¹⁹.

Но если даже предположить, что Пушкин вспомнил здесь «Первый снег» только с полемической целью, пародируя Вяземского, то нельзя обойти два момента. Во-первых, нет оснований не доверять Пушкину, который пишет: «Он вас пленит, я в том уверен», — и дальше, в конце строфы:

— Но я бороться не намерен
Ни с ним пока мест, ни с тобой,
Певец финляндки молодой!²⁰

Если идти за Пушкиным, верить его словам, то ясно, что поэт не собирался пародировать Вяземского, он по-прежнему лю-

¹⁸ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., ГИХЛ, 1957, стр. 213.

¹⁹ Кн.: И. Медведева. «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Г. Макогоненко. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, М., 1971, стр. 157.

²⁰ Слово «бороться» в контексте этой главы можно понимать только как «состязаться», «соревноваться» в избранной теме (изображении «зимних нег»); «бороться» в смысле «отрицать» противоречит содержанию всех предыдущих стихов.

бит и высоко ценит его стихи²¹, прямо отказывается «бороться» с ним, по крайней мере в «Евгении Онегине». Значит, «Первый снег» введен Пушкиным с какой-то иной целью.

Во-вторых, если в третьей строфе (вопреки пушкинским заверениям) все-таки полемика и отрицание Вяземского, то почему она могла возникнуть только в пятой главе, но не раньше — в четвертой — и не позднее — в седьмой, — где также есть описание зимы и первого снега?

К третьей строфе в рукописи имеется примечание: «Первый снег» Вяземского. Красивый выходец и проч. Конец. Баратынский в Финляндии». Возможно, Пушкин хотел, чтобы стихи Вяземского зазвучали в его романе. Однако он отказался от прямого цитирования и, как всегда гениально, в собственных поэтических образах, соответствующих «духу» Вяземского (и конечно, без всякой иронии), оживил на страницах романа элегию Вяземского, воскресил ее эмоциональную атмосферу:

Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег;
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисую в пламенных стихах
Прогулки тайные в саях...

Этот «высокий» мир элегии Вяземского (в третьей строфе) вводится в мир, открывающийся Татьяне (в первой, второй и затем в четвертой строфах), вернее, окружается им. Таким образом оказываются сопоставленными, взаимоотраженными два мира. В мир Татьяны органически вливается мир народной жизни, обыденность, «низкая природа», совершенно недоступные и противостоящие миру Вяземского, высокой поэтичности воспетых им картин природы и «зимних нег». На это противопоставление Пушкин прямо указывает в начале третьей строфы:

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут;
Все это низкая природа;
Изящного немного тут...
Другой поэт...

Но дело в том, что Пушкин не только разводит, но и сводит эти миры, обнаруживая в них общее национальное начало. Особое, оживленно-радостное, праздничное восприятие зимы, мороза, первого снега — исконное свойство русского характера — делает по-своему близкими и лирического героя Вяземского, и Татьяну, и торжествующего крестьянина, и принарядившегося ямщика «кибитки.удалой» («в тулупе, в красном кушаке»), и дворового мальчика («шалун уж заморозил пальчик, ему и больно и смещно»).

²¹ Многочисленные доказательства этого есть в письмах Пушкина.

Это общее начало, включающее общность с миром народной жизни, оказывается органически присущим «русской душе» Татьяны и открывается через нее. Татьяне одинаково доступны (сопряжены в ней) и «высокая» поэзия природы, достойная мира элегии Вяземского («Деревья в зимнем серебре», «и мягко устланные горы зимы блистательным ковром. Все ярко, все бело кругом»; «На солнце иней в день морозный, и сани, и зарею поздней сиянье розовых снегов», и мгла «крещенских вечеров»), и поэзия народной жизни, «неизящной» обыденности, еще чуждая миру Вяземского.

Таким образом, национальное начало, верно угаданное Вяземским (поэтому нет надобности его уничтожать), становится у Пушкина подлинно национальным и народным в их внутренней нерасторжимости и утверждается как поэтическое.

Немаловажно и то, что новый эстетический идеал, поэзия «нагой простоты» вводится и утверждается Пушкиным через Татьяну и... через Вяземского. Высокая поэтичность Татьяны бесспорна, уже доказана (вспомним Онегина: «Я выбрал бы другую, когда бы был как ты поэт») и, следовательно, служит верным залогом, чутким барометром и высокой мерой поэтичности того, что живет в ее душе. Только поэту и можно говорить о поэзии «низкой природы» (она «испытана» духовной мерой героини) и поставить ее рядом с поэзией, согретой «вдохновенья богом». Мир Татьяны и мир Вяземского уравнины в «правах» бесспорной поэтичностью того и другого. Поэтому, на мой взгляд, Пушкину важнее было «поднять» Вяземского, чем «снизить», ведь только через сопоставление с подлинно поэтическим можно утвердить новое понимание самой поэтичности.

Наконец, важен и еще один аспект взаимоотражения двух миров. Эмоциональный накал «пламенных стихов» Вяземского, воссозданный в третьей строфе, как бы приглушен в описании зимы «собственно» у Пушкина (в первой, второй и четвертой строфах). Возникающий при сопоставлении строф интонационный конфликт оттеняет неповторимый душевный склад мечтательной героини Пушкина, молчаливой, «как Светлана», а ведь зима увидена ее глазами и нужна здесь для нее²².

Может быть, размышления над элегией Вяземского в пятой главе, в связи с Татьяной, помогли Пушкину решить

---

²² Пушкин стремился создать внутренне цельный, неповторимый облик Татьяны — об этом свидетельствуют рукописные варианты четвертой строфы. Например, перечисляя, что любила Татьяна, он заменил рукописный вариант стиха «И шум крещенских вечеров» — на «И мглу крещенских вечеров»; поэт «разводит» Татьяну с Ольгой, отвергая в этой же строфе стих «Татьяна и ее сестра».

вопрос и об эпитафии к первой главе — «И жить торопится и чувствовать спешит». Этот эпитафия, сближая Онегина с миром «пламенных восторгов» элегии Вяземского, духовно «разводит» его с Татьяной, образ которой ассоциируется с миром элегий и баллад Жуковского.

Итак, в пятой главе «Евгения Онегина» Пушкин не борется с Вяземским и не иронизирует над ним. Больше того: мир элегии Вяземского эмоционально близок Пушкину, но узок, ограничен в свете открытий, которые делает «поэт действительности» в период работы над романом «Евгений Онегин». Но утверждая новое понимание народности, народной русской души, новый эстетический идеал, новую меру жизни и человека, Пушкин учитывал и творчески осваивал лучшие достижения русской поэзии, к каким, несомненно, всегда относил и элегию Вяземского.

После пятой главы, в которой Пушкин нашел свой особый поворот в разработке темы зимы и первого снега, начинается активная, уже специфическая пушкинская «жизнь» элегии в творчестве поэта, что отчетливо прослеживается уже в седьмой главе романа (XXIX—XXX строфы):

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима...

Интересно, что в этом описании зимы Пушкин, кажется, сознательно сближается с Вяземским (чего не было в картине зимы четвертой главы). И дело даже не в общем эмоциональном тоне или отношении к зиме, но в близости, а иногда и в прямом совпадении поэтических образов:

Вяземский: Волшебницей зимой весь мир преобразован.

Пушкин: И вот сама идет волшебница зима.

Вяземский: Цепями льдыстыми покорный пруд окован.

И синим зеркалом сравнялся в берегах.

Пушкин: Берега с недвижною рекою

Сравняла пухлой пеленою.

Вяземский: Сребристой пылью окидывает их.

Пушкин: Морозной пылью подышать.

Общим является и образ «первого снега». Но рядом с этим у Пушкина возникают поэтические образы, абсолютно чуждые Вяземскому и теперь уже, после пятой главы, органически присущие пушкинской картине русской зимы: «волшебница зима» и — «Рады мы проказам матушки зимы»; или:

Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь...

Таким образом, в самом движении к Вяземскому как раз и намечается у Пушкина едва уловимый поворот, несущий неповторимо пушкинскую интонацию, пушкинскую народность.

«Мелодия» элегии «Первый снег», «звучащая» в творчестве Пушкина, приобретает особое эстетическое содержание. С одной стороны, возрастает экспрессивность стихов, как бы вбирающих через отдельные образы эмоциональность стихов Вяземского. С другой — возникающий конфликт образов (конфликт традиционно-поэтического и «низкого», «роскошного слога» и «нагой простоты») высвечивает пушкинское начало в развитии лирической темы.

Но, как всегда, у Пушкина резкого столкновения образов не происходит, нет даже прямого цитирования Вяземского, но есть лишь напоминание об элегии в единой системе пушкинских образов, которое будит ассоциации, а через них и в них рождается пушкинская «мелодия» зимы.

Это особенно отчетливо прослеживается в лирике. В стихотворениях «Зима. Что делать нам в деревне...», «Зимнее утро», «Осень» Пушкин как бы вступает в обещанное «соствязание» с Вяземским в изображении «зимних нег»: очевидно, открытия, сделанные поэтом в «Евгении Онегине», сближающие и разводящие его с Вяземским, требовали еще «испытания» лирикой.

В свете изложенного представляется неслучайным то, что такие, казалось бы, разные по теме и лирической интонации стихотворения, как «Зима. Что делать нам в деревне...» и «Зимнее утро» написаны фактически одновременно: первое — 2 ноября 1829 года, второе — 3 ноября того же года. Но «Зима. Что делать нам в деревне...» создавалась все-таки раньше, что тоже интересно.

В этих стихотворениях Пушкин «освобождается» от обаяния первого снега именно как первого. Он как бы «проверяет» себя и вообще русского человека не в исключительных условиях неожиданного и праздничного преобразования природы, но шире — в условиях зимы, а в первом стихотворении, что особенно важно, в условиях бесконечно долгих и скучных деревенских буден. Насколько органична в поэтической системе этого стихотворения «мелодия» Вяземского?

Итак, здесь не первый снег, а зимние деревенские будни, как бы пропущенные через душу художника, рождают поток размышлений и чувств. Характер и движение лирического события обусловлены не внутренним развитием душевной жизни, как во многих других стихотворениях Пушкина, а течением реального времени и связанной с ним сменой впечатлений, временной последовательностью. Зима в деревне: утро, день, вечер (и не просто вечер, а долгий зимний вечер) — определяют собой характер душевных движений, намечают поворот в развитии лирической темы, обуславливают содержательность композиционного членения стихотворения (условного) на три части и даже объем каждой из них: две пер-

вых — утро и день — по шесть стихов и третья — вечер — 35 стихов. Такое «временное» членение эстетически значимо: создается ощущение живого течения времени, удивительный пример соотношения времени реального и поэтического.

Впечатление временной длительности и временного движения усиливает объем стихотворения и его ритмическая организация. В нем 47 стихов — немало для лирических стихотворений Пушкина. Стихотворение написано александрийским стихом, освященным традицией, внутренне упорядоченным. Это шестистопный ямб со смежной рифмой и обязательной цезурой в строго определенном месте — после третьей стопы. Пушкин внешне остается верен метру александрийского стиха — все признаки его есть, но в том-то и дело, что традиционный александрийский стих уже в первой строчке как бы разрушается изнутри: этому способствует и характер поэтических образов (введение будничных, бытовых реалий), и ритмико-синтаксический рисунок:

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?...

С первых стихов создается непринужденно-бытовая, разговорная интонация, подчеркивающая свободное движение мысли и чувства. Цезура сохраняется только как намек, и уже в первых стихах, которые создают ритмическую инерцию, произношение не требует остановки на цезуре, но зато появляются две сильнейшие смысловые паузы — рядом, до и после цезуры, так что в дальнейшем мы начинаем следить уже не за цезурой, а за смысловыми паузами. Свободно, неупорядоченно располагаются пиррихии (то на второй, то на третьей, то на пятой стопах). Все это как бы «размывает», разрушает ритм александрийского стиха.

Вообще ритмико-синтаксический строй (система пауз разной длительности, переносы, пиррихии и спондеи, вопросительные и восклицательные предложения, их расположение в стихе, характер, строй и длина) как чуткий барометр реагирует на каждое едва уловимое душевное движение. Сравним непринужденно звучащие вопросительные предложения в начале стихотворения:

... тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?

Три первых предложения — короткие, простые; два последних — распространенные, занимают два с половиной стиха. Они соединены с первыми (и отделены от них) союзом «И»

и заключают в себе уже не столько простейший вопрос, обращенный во вне, сколько внутреннее размышление, душевное движение, подготавливающее дальнейшее развитие поэтической темы.

В следующих шести стихах снова меняется ритмико-синтаксический рисунок. Здесь исчезают переносы, «становятся на место» паузы (и на цезуре и в конце стиха), появляются короткие, отрывистые назывные или неполные предложения (иногда два в одном стихе) или нагнетаются глаголы; исчезает непринужденность, учащается темп речи, подчеркивающий стремительное мелькание — арапники, собаки, кони, зайцы. Так создается впечатление оживления, но скорее физического, чем душевного, что подтверждает и замыкающая эту часть полуироническая фраза-возглас: «Куда как весело!» — которая возвращает к будничному, тоскливому состоянию, к душевной депрессии: «Вот вечер: вьюга воеет; свеча темно горит; стёсняясь сердце ноет;» и т. д. Отсутствие душевного волнения, внутренняя подавленность передается здесь подробным перечислением незначительных простейших движений и действий: «Я книгу закрываю; Беру перо, сижу...» Некоторое лексическое и синтаксическое усложнение вызывает попытка творчества (появляются традиционно-поэтические образы — «муза», «рифма»; усиливается метафоричность речи), но «ко звуку звук нейдет» — и опять простейшие синтаксические конструкции и бытовые реалии: «иду в гостиную; там слышу разговор О близких выборах, о сахарном заводе...» Интересно, что в этой части, передающей душевное состояние в долгие зимние вечера, — больше всего сильнейших пауз; паузы повторяются иногда после каждого слова, создавая почти физическое ощущение того, как долго, тягостно и тоскливо тянется время. И наконец, опять возглас: «Тоска! Так день за днем идет в уединенье!» — возглас, подводющий итог и намечающий перелом в настроении, поворот в лирической интонации, усиленный союзом «НО»:

Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке...

Весь ритмико-синтаксический строй этих и последующих стихов словно преобразуется вместе с настроением поэта: на смену чрезвычайно упрощенным синтаксическим конструкциям появляется сложное, сильно распространенное восклицательное предложение, охватывающее целых шесть стихов! Эмоциональный подъем усиливается и синтаксическим параллелизмом.

В последних двенадцати стихах нарастающее душевное волнение разрешается рождением нового сильного чувства, близкого к чувству, возникающему под влиянием зимы и первого снега в элегии Вяземского.

Вяземский: Стеснилось время им в один крылатый миг.
Пушкин: Как жизнь, о боже мой, становится полна!

Однако у Пушкина, в отличие от Вяземского, ощущение полноты жизни приходит в результате поэтического освоения всей действительности, включающей не только «высокие», но и будничные ее проявления. Недаром толчком к пробуждению в этом стихотворении становится не волшебная картина преображенного первым снегом мира, а приехавшая «издали в кибитке или в возке Нежданная семья: старушка, две девицы (Две белокурые, две стройные сестрицы)», и лишь потом «подключается» зима. Для Пушкина глубинное, сущностное и высоко поэтическое открывается в обыкновенном. Только на этой разной основе возникает близость Пушкина и Вяземского в понимании русской зимы и русского человека:

Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи...

Нарастающий душевный подъем в этих стихах выражается в стремительном перечислении, усиленном повторяющимся союзом И; в эмоционально насыщенной лексике. Но главное, только здесь появляются посвященные традицией высокие поэтические образы («роскошный слог»): «взоры томные», «дэвы» (а раньше: «две девицы, Две белокурые, две стройные сестрицы»), «вальсы резвые». В финале, усиливая его мажорное звучание, возникает и «мелодия» Вяземского в неповторимо пушкинской обработке:

Вяземский: Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.

Пушкин: И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!

Как дева русская свежа в пыли снегов!

Вяземский: Сребристой пылью окидывает их.

Пушкин: В пыли снегов.

Эту атмосферу высокой традиционности поддерживают и возрожденные здесь поэтом строгие метры традиционного александрийского стиха: синтаксически законченная фраза совпадает со стихом; четко обозначена цезура; нет ломающих ритм пауз и переносов; упорядочено даже место пиррихий — на третьей и пятой стопах (только в предпоследнем стихе пиррихий на второй стопе).

Но на фоне всего стихотворения александрийский стих и традиционные поэтические образы, в том числе и образы

Вяземского, звучат уже не традиционно. В поэтической системе стихотворения возвращается и освящается их классическая чистота, первозданность, что становится фактом эстетически значимым в выражении чувства полноты бытия и безусловной ценности пережитого.

Впрочем, последний стих, подчеркивающий особенность русского характера, выделен тем, что вновь ломается традиционность: он стоит особняком, не рифмуется и, таким образом, неожиданно, не традиционно завершает стихотворение:

Как дева русская свежа в пыли снегов!

Как уже было сказано, «Зимнее утро» неслучайно стоит рядом и после стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..». Между ними и «Первым снегом» Вяземского улавливается сложная внутренняя связь.

В начале стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..», как было показано, Пушкин подчеркнуто отталкивается от всякой поэтической традиции, в том числе и от традиции Вяземского. В «Зимнем утре», наоборот, поэт, кажется, с первой строфы вводит нас в мир высоких поэтических образов, в чем-то перекликается с Вяземским, во всяком случае, напоминает о нем и обращением — «друг прелестный» (у Вяземского — «милый друг»), и противопоставлением «Вечор... нынче» (у Вяземского «Вчера... сегодня»), и описанием сверкающей зимней природы, и желанием «предаться» с «другом милым» «бегу нетерпеливого коня», и общим эмоциональным тоном.

Конечно, как всегда у Пушкина, в орбиту высоко поэтического сразу же втягивается обыкновенное, в обыкновенном открывается поэтическое:

Вяземский: Покинем, милый друг, темницы мрачный кров.
Пушкин: Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки...

И все же в «Зимнем утре» удивительна не только поэтизация обыденного. Интересен тот особый, отличный от Вяземского и новый для самого Пушкина, автора стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..», поворот лирической темы, который осуществляется в пятой строфе.

Обратимся еще раз к началу стихотворения. Знаменитые строчки: «Мороз и солнце: день чудесный!» — и последующие сразу же создают праздничную атмосферу, утверждается пробуждение жизненных сил, подчеркнутое образом зимнего утра и картиной преобразившейся природы. У Вяземского и у Пушкина это ощущение полноты бытия обычно с наибольшей глубиной выражалось в чувстве любви. В чем-то традиционные высокие поэтические образы, обращение к «прелестно-

му другу», «красавице», «звезде севера», катание в санках с «милым другом» и в «Зимнем утре» рождает (особенно по аналогии с «Первым снегом») ожидание подобного разрешения. Но Пушкин, не отрицая его, уже в предпоследней строфе намечает возможность иного решения темы («Приятно думать у лежанки»), которое реализуется в пятой:

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

«Бег нетерпеливого коня», открывающиеся просторы бытия переключают «зимнюю» лирическую тему из плана любовного (ожидаемого) в план высоких размышлений о природе и человеке, открывают в традиционной лирической теме возможность нового плана, утверждая безграничность и сопряженность разных начал в духовной жизни человека.

Таким образом, в переключке Пушкина с Вяземским обнаруживаются сложные диалектические отношения: сближение с Вяземским всякий раз помогает Пушкину найти свое неповторимое творческое решение и, значит, увеличивает дистанцию между ними.

Наибольшей остроты эта своеобразная диалектика творческих связей двух поэтов достигает в стихотворении «Осень».

В восьми строчках «Осени» буквально сконцентрированы все «оттенки зимних нег», некогда воспетые Вяземским:

Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?...

В каждом из этих стихов наблюдается своеобразное «цитирование» Вяземского, вернее, пушкинская трансформация наиболее экспрессивных образов «Первого снега»:

Вяземский: Как вьюга легкая, их окриленный бег.
Пушкин: Как легкий бег саней с подругой быстр и волен.
Вяземский: И соболь на тебе чернеет и блестит.
Пушкин: Когда под соболем, согрета и свежа...

Сопоставление можно было бы продолжить и дальше, но уже ясно, что своеобразное «подключение» энергии «пламенных

стихов» Вяземского беспредельно насыщает лаконичные пушкинские образы, усиливая их эмоциональный накал. Но дело не только в этом. Традиционные поэтические образы, в частности образы «Первого снега», и здесь помогают «поэту действительности» реализовать свои художественные открытия: у Пушкина рядом, сразу же, без всякого перехода, следуют стихи, невозможные в поэтической системе Вяземского:

Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

В этих стихах звучит ирония по поводу «зимних нег», но она не отменяет «зимних праздников блестящие тревоги», а как бы освещает их по-новому, допуская и утверждая возможность разного подхода к явлениям, одновременного существования разных оценок в сфере многогранного и диалектического бытия природы и человека.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что «жизнь» «Первого снега» в произведениях Пушкина отразила сложное диалектическое отношение поэта к элегии Вяземского; она имеет свою историю, связанную с характером творческих исканий и реалистических открытий Пушкина.

Безусловно то, что элегия «Первый снег» по своему эмоциональному содержанию всегда была близка Пушкину. Поэтому не может быть и речи об «иронии», «одолении» или «победе» Пушкина над Вяземским, тем более в стилистическом плане. Такая победа уже давно была для всех очевидной, и запоздалая «борьба» с «роскошным слогом» Вяземского была бы просто нелепой для Пушкина в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Кстати, и «слог» Вяземского к тому времени значительно изменился, да и сам Пушкин, выполняя определенное эстетическое «задание», отнюдь не отвергал, как было показано, освященные традицией высокие поэтические образы.

Но образы «Первого снега», прошедшие через творческое сознание Пушкина, всякий раз вносили уже знакомую читателю, близкую самому поэту, но совершенно преобразованную гением «мелодию», подвижное эстетическое содержание которой открывается лишь в поэтической системе каждого произведения.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975